

Хуа Чжаошуй с недоумением посмотрел на него, не успев отреагировать, как Шэн Цзяньвэй наклонился и вдруг вытащил из-за пояса саблю. Казавшаяся нерушимой красная веревка была перерублена, и на его лодыжке остался лишь короткий обрывок.

— Ты можешь идти, — Шэн Цзяньвэй встал. Он стоял спиной к свету, его выражение лица было неразлично, а голос звучал жестко.

Хуа Чжаошуй долго смотрел на него, словно не веря своим глазам, а когда встал, чуть не упал. Шэн Цзяньвэй поддержал его, чтобы он смог устоять.

— Правда... правда?

Хуа Чжаошуй несколько раз поднял ногу, снова и снова проверяя, что на ней больше нет никаких оков, и на его лице появилась радость, которую он не проявлял уже много дней.

Шэн Цзяньвэй смотрел на него, наконец увидев знакомый блеск в его глазах, и не удержался, снова погладил его по глазам.

— Надень обувь, я позже отправлю кого-нибудь провести тебя домой. Ты можешь идти куда захочешь, я больше не буду тебя искать.

Хуа Чжаошуй, казалось, не понимал, чувствуя, что поведение хозяина необычно, и невольно съежился.

— Молодой господин, вы действительно отпускаете меня?

Шэн Цзяньвэй наклонился, его губы почти коснулись губ Хуа Чжаошуя, и он медленно произнес:

— Правда.

Второе слово почти растворилось в его дыхании, Хуа Чжаошуй едва устоял, и Шэн Цзяньвэй поддержал его за спину, чтобы тот мог сосредоточиться на этом неожиданном поцелуе.

За это время Шэн Цзяньвэй измучил Хуа Чжаошуя физически и морально, и тот уже не помнил, когда последний раз был поцелован так искренне. Он чувствовал, что на этот раз хозяин был особенно нежен, более нежен, чем когда-либо прежде. Не было никаких укусов, только головокружительное ощущение сладости, и Хуа Чжаошуй невольно схватился за его руку, поднимая лицо, чтобы принять поцелуй.

Когда поцелуй закончился, Хуа Чжаошуй все еще был ошеломлен, с неохотой отрываясь, ласково прижимаясь к его груди.

Шэн Цзяньвэй снова поцеловал его в лоб.

— Иди, если не пойдешь сейчас, скоро стемнеет.

Хуа Чжаошуй посмотрел на него.

— Молодой господин, если бы вы всегда были так добры, я бы продолжал вас любить.

Брови Шэн Цзяньвэя дрогнули, он смотрел на него с недоверием, но затем, видимо, вспомнил, что его слова о «любви» могли относиться и к рисовой каше с крабовым мясом, и отвернулся.

— Ты пробыл со мной так долго, что упустил возможность заработать. Я возьму твои потери, деньги уже в карете, возьми их и уезжай подальше.

Хуа Чжаошуй чувствовал, что сегодня хозяин ведет себя странно. Он видел, как тот несколько раз собирался что-то сказать, но не решался, и не удержался, чтобы не спросить:

— Молодой господин, вы хотите мне что-то сказать?

Шэн Цзяньвэй посмотрел на него, явно собираясь что-то произнести, но сказал:

— Нет.

Когда Хуа Чжаошуй посадили в карету, чтобы отвезти домой, он все еще был полон сомнений. Кучер не проронил ни слова, лишь взмахнул кнутом, и они помчались прочь. Хуа Чжаошуй очнулся, откинул занавеску и оглянулся назад, увидев, что Шэн Цзяньвэй все еще стоит там, его фигура уже стала размытой.

Едва он вернулся домой, как увидел суматоху. Вещи были упакованы, у ворот ждала карета, его родители складывали несколько узлов, а А Ин, увидев его, махнула рукой:

— Наконец-то ты вернулся! Быстро, собирай свои вещи, я уже упаковала то, что было на виду, посмотри, ничего не забыл ли ты.

Хуа Чжаошуй, ошеломленный, едва вышел из одной кареты, как его тут же посадили в другую. А Ин пересчитывала, все ли вещи взяты, а Хуа Цюань время от времени поглядывал в окно, сожалея о чем-то, и время от времени вздыхал.

Его вздохи делали атмосферу еще более мрачной, и долгое время никто не произносил ни слова.

— Мама, — наконец не выдержал Хуа Чжаошуй, — что происходит? Почему мы так спешно уезжаем?

А Ин подняла на него взгляд.

— Ты разве не знаешь? Семья Шэн на грани краха. Госпожа добрая, отпустила всех слуг, остались только самые преданные служанки и слуги — но они не хотят уходить. Ну, не уйдут — значит, разделят судьбу семьи Шэн. Не говори, что мы неблагодарны, мы ведь люди простые, не нам наслаждаться благополучием господ, и не нам делить их беды.

Хуа Чжаошуй вспомнил слова Шэн Цзяньвэя и подумал, что, возможно, Дом Шэн просто переживает временные трудности, но, судя по всему, ситуация была гораздо хуже, чем он сказал.

У него на душе стало тяжело, и он спросил:

— Что же случилось? Почему все так серьезно?

А Ин взглянула на Хуа Цюаня, и тот снова вздохнул, его голос звучал невесело.

— Отца обвинили в мятеже.

— В мятеже!

Хуа Чжаошуй чуть не подпрыгнул от ужаса.

— Это ведь карается казнью всего рода! Как так вышло? Может, его оклеветали?

Хуа Цюань горько усмехнулся.

— Неважно, клевета это или нет, важно, что думает император. Если он считает, что это правда, то это становится правдой; если он считает, что это ложь, то даже правда становится ложью. В общем, благоволение к семье Шэн подошло к концу.

В голове у Хуа Чжаошуя загудело, он замер, медленно перебирая в памяти лица тех, кто был к нему добр, и снова спросил:

— А... а Су Сюэ осталась?

Он несколько лет служил у старшей госпожи, и Су Сюэ относилась к нему очень хорошо. Он помнил, как она угощала его сладостями, как она всегда улыбалась всем.

А Ин смутилась, тоже вздохнула.

— Она столько лет была с госпожой, их связывала глубокая привязанность, она ни за что не хотела бросить ее в беде. Она осталась, она верная, но если Дом Шэн падет, ее, наверное, продадут...

Она не стала продолжать, видимо, не в силах представить, что будет дальше, и снова выглядела печальной. Хуа Чжаошуй был подавлен, пробормотав:

— Дом Шэн действительно погибнет?

— Госпожа Чжаои, та, что во дворце, была очень любима, но недавно потеряла ребенка, а теперь оказалась замешана в каком-то колдовстве гу. Император в гневе... — А Ин понизила голос, — приказал казнить ее!

Хуа Цюань фыркнул.

— Двор и задворки всегда связаны. Если отец и брат пали, то и благоволение в гареме становится ненадежным.

Хуа Чжаошуй нервно сжал край своей одежды и тихо спросил:

— Они... они умрут?

В карете на мгновение воцарилась тишина, и наконец Хуа Цюань ответил:

— Может быть... может быть, император вспомнит о многолетней службе семьи Шэн и проявит милость... Возможно, не вся семья будет уничтожена.

Но в его голосе не было уверенности. Весь город Цзиньюнь знал, что семья Шэн стала мишенью для императора, и это была ловушка, устроенная самим правителем. Кто же сможет выжить в такой ситуации?

Госпожа Чжаои когда-то была любимицей императора, но, проведя во дворце несколько лет, так и не родила наследника. Если бы у нее был ребенок, возможно, сегодня она не оказалась бы на краю гибели. Но если даже бывшую фаворитку можно так легко казнить, сколько же

милости осталось у императора к семье Шэн?

Атмосфера стала слишком тяжелой, и А Ин, чтобы разрядить обстановку, засмеялась, сменив тему. Она потрогала рукав Хуа Чжаошуй.

— Твоя одежда уже коротковата, почему ты не сказал? Я сошью тебе новую.

Она взглянула на его штанины и вдруг заметила торчащий кусочек красной веревки.

— Сяо Хуа, что это у тебя на ноге? Раньше я такого не видела. Нельзя носить всякую ерунду.

Хуа Чжаошуй очнулся, кивнул и поспешно отодвинул ногу, пробормотав:

— Ничего... ничего особенного.

Затем он спросил:

— Кстати, мама, вы знаете, где я был все эти дни?

А Ин ответила:

— Я слышала от вашего старшего труппы, что ты уезжал петь на частные вечера. Что, думал, я тебя забыла?

Хуа Чжаошуй улыбнулся ей и покачал головой.

— Нет, просто спросил.

Он подумал, что молодой господин действительно обладал невероятными способностями, раз смог скрыть его так долго, и никто не заметил. Может, он отпустил его сегодня, потому что сам оказался в опасности...

Эта мысль опечалила его, и он понял, что, возможно, больше никогда его не увидит.

А Ин, глядя на его лицо, увидела, что он выглядит грустным, и с беспокойством спросила:

— Что случилось? Почему ты такой печальный?

Хуа Чжаошуй поднял на нее взгляд.

— Мама, молодой господин тоже умрет?

— Не знаю... это зависит от воли императора. Что, ты, который всегда его боялся, теперь не хочешь уходить?

Первая жизнь уже подходит к концу...

<http://bllate.org/book/16756/1562940>